

UDC 341

**THEFT AS A KIND OF PROPERTY CRIME IN RUSSIAN LEGISLATION
OF XVIII–XX CENTURIES**

Nelli G. Makarenko

Sochi State University
Sovetskaya street 26a, Sochi city, Krasnodar Krai, 354000, Russia
Lecturer
E-mail: urfakultet@mail.ru

The article analyses theft as a property crime in Russian legislation of Imperial period in XVIII–XX centuries.

Keywords: theft, matter of theft, criminal will.

Артикул Воинский определял кражу как тайное похищение чужой собственности, но по сравнению с более ранним законодательством был сделан шаг вперед, оценивая стоимость украденного. Так, например, Воинский устав различал кражу, совершенную на сумму до 20 рублей и выше. Данное положение устава просуществовало до издания указа 1802 г., в соответствии с которым кражи делились в соответствии с суммой: до 20 руб., от 20 до 100 руб. и свыше 100 руб. О наказании за кражу до 20 руб. по Воинскому уставу: кража на сумму свыше 20 руб. каралась смертной казнью через повешение, также в наказании к ней приравнивались следующие виды краж: во время наводнения и пожара; кража из военных хранилищ, например, из цейхгауза, магазина его величества и др.; у своего господина (домашняя кража) или товарища; во время караула совершенная самим караульным

Помимо перечисленных, Воинский устав говорит еще о нескольких специальных видах краж: кражу человека (похищение), наказываемое отсечением головы [1], кражу из намета, в поле и в походе, наказывавшуюся отсечением ушей и носа [2] и церковную кражу, за которую полагалось колесование.

На практике цена украденного всегда играла важную роль при вынесении судебного решения. В свою очередь проект 1754 г. в первой редакции различал кражу на сумму свыше 40 руб., караемую повешением, от кражи более 30 руб., наказываемой кнутом и каторжными работами; также проект говорил о краже на сумму не более 20 руб., караемой смертной казнью только в третий раз, тогда как за кражу вещи стоимостью от 20 до 30 руб. – кнут [3].

В царствование Екатерины II указом от 1781 г. «О суде и наказаниях за воровство разных родов» впервые было смягчено наказание за мелкие кражи, к которым указ относил кражи «ценою ниже 20 руб.». за совершение подобных деяний в первый раз полагалось «имать под стражу и отослать в рабочий дом, где работать, донеже заплатит то, что украл и 6 % выше тому, кто украл выше того тому, у кого украл».

За вторую кражу полагалось аналогичное наказание с добавлением двух ударов плетью и обязательной работы в пользу рабочего дома также в размере 6 % от стоимости украденного.

При третьей краже преступник подвергался трем ударам плетью, отдавался в рабочий дом с обязательным условием отработать стоимость украденного, 6 % этой стоимости – потерпевшему и 12 % – в пользу рабочего дома. За крупные кражи сохранилось прежнее наказание в виде смертной казни, а практике замененной еще при Елизавете Петровне ссылкой на каторжные работы с вырыванием ноздрей.

Другая особенность Указа 1781 г. состояла в том, что он четко разграничил понятия воровства и грабежа. Признаками грабежа считалось психическое и физическое

насилие: «грабеж есть, буде на кого нападет или что остановит, страшая действием... и нахально ограбит или что отнимет или даст себе принудить...».

В-третьих, особенностью данного указа заключалась в том, что стали различаться понятия «воровства-кражи» и «воровства-мошенничества». Под вторым понималась карманная кража на торгах и в многолюдных собраниях, когда происходило или открытое хищение чужого имущества или его неправомерное завладение посредством обмана: «воровство-мошенничество есть буде кто на торгу или в ином многолюдстве у кого из кармана что вымет или вымыслом или внезапно у кого что отымет или унесет, или от платья полу отрежет или шапку сорвет, или обманом или вымыслом продаст или весом обвесит или мерою обмерит».

В свою очередь, указ 1812 г. ввел вид кражи на сумму до 5 руб., и наконец, указом от 1816 г. кража была подразделена на 5 разрядов: до 5 руб., от 5 до 10 руб., от 10 до 15 руб., от 15 до 20 и свыше 20 руб. При этом продолжали дифференцироваться кражи от 20 руб. до 100 руб. и свыше 100 руб. постановления указа 1816 г. перешли в Свод Законов, изданный в 1832 г.

Кражей, по мнению Г.Е. Колоколова, считалось умышленное тайное похищение чужого движимого имущества с намерением противозаконного безвозмездного пользования им как бы на правах собственности. Законодательством понятие кражи определялось следующим образом: кражей признается всякое каким бы то ни было образом, но тайне, без насилия и угроз и вообще без принадлежащих к свойствам разбоя и грабежа обстоятельств, похищение чужих вещей, денег или иного движимого имущества [4].

Предметом кражи должна была быть чужая вещь, в свою очередь, кража своей собственной вещи признавалась невозможной, даже если она находилась в чужом владении. Однако, например, А. Лохвицкий спрашивал: «Если лицо похищает свою заложенную вещь, совершает ли оно кражу?» [5]. На этот вопрос некоторые криминалисты отвечали следующим образом: «здесь нет кражи, потому что взято свое, а не чужое, и существует только нарушение договора, которое может привести к гражданскому иску со стороны потерпевшего». Сам исследователь А. Лохвицкий не разделял эту точку зрения: «Если такое взятие было явное, то это не грабеж, а самоуправство, потому что в пользу взявшего существовала презумпция, что он считал себя вправе это сделать. Но если взятие было совершено тайно, и взявший скрыл впоследствии свое действие, то здесь все элементы кражи, поскольку вещь принадлежала обеим сторонам».

Г.Е. Колоколов, в свою очередь, не соглашался с приведенным мнением, полагая, что рассмотренная ситуация с похищением залога может считаться: во-первых, самоуправством, во-вторых, мошенничеством. Этот ученый утверждал, что кража возможна и при совместном праве собственности, но лишь настолько, насколько оно не принадлежало виновному и при этом не находилось в его владении (в последнем случае такое преступление именовалось растратой). Поскольку объектом кражи должна была быть вещь, находящаяся в чужом владении, то понятие кражи не распространялось, по мнению Г.Е. Колоколова, на бесхозные и потерянные вещи [6]. Тем не менее, с потерей вещи, право собственности владельца на нее не прекращалось. Потерянные вещи, попавшие в руки случайного владельца, считались находкой, и рассматривались как утайка, а не кража.

В отношении чужого имущества, вверенного какому-либо лицу для пользования, оно по российскому праву XIX века могло быть лишь предметом утайки, но не кражи. В соответствии со ст. 177 «Уложения о наказаниях, налагаемых мировыми судьями» утайкой называлась растрата или присвоение чужого движимого имущества, вверенного для сохранения, переноски или перевозки или же для определенного употребления» [7]. Следовательно, присвоение рабочими инструментов, вверенных им для постройки, являлось утайкой, а не кражей, что можно было также сказать о присвоении вещей постояльцев хозяином гостиницы.

В соответствии с законодательством, предметом кражи могло быть только движимое имущество, т.е. движимая вещь или сделанная такой ради цели похищения. В уголовном праве вещь, связанная с почвой, переставала быть недвижимой в тот момент, когда она была отделена от почвы (например, дерево на корню). В ситуации, когда лицо захватывало какую-либо вещь и объявляло третьим лицам, что она бралась в интересах хозяина вещи, тогда как в реальности это делалось с целью ее противозаконного присвоения, то такие действия квалифицировались как мошенничество. Однако исследователь Неклюдов не считал указанные действия мошенничеством и относил их к краже, считая присвоением вверенного имущества [8].

Важным моментом при рассмотрении понятия кражи являлось обнаружение преступной воли в действии при совершении этого преступления. Вопрос о разграничении законченной кражи от покушения на нее признавался крайне спорным. В соответствии с этим доктрина уголовного права выдвинула три различные теории – прикосновения, уноса и завладения.

Таким образом, само понятие кражи как тайного хищения имущества являлось наиболее консервативным и не подлежало какому-либо серьезному изменению от Артикула Воинского до Уголовного Уложения 1903 г. (следует отметить, что под Воинским уставом исследователи фактически упоминали Воинский артикул, тогда как мы именуем этот нормативно-правовой акт «Артикул Воинский»). Более того, аналогичное понятие кражи сохранилось и в современном Уголовном кодексе РФ 1996 года.

Примечания:

1. Российское законодательство X–XX вв.: в 9 т. т. 4. Законодательство периода становления абсолютизма. М.: Юридическая литература, 1986. Воинский устав. арт. 187 гл. XXI.
2. Там же, арт. 188 гл. XXI.
3. Полное Собрание законов Российской империи, изд. 1. СПб.: тип. Втор. Отд. Собств. Его Имп. Вел. Канц., 1830. т. 22, проект Елизаветинской комиссии 1754 г., Гл. XXXIII.
4. Свод законов Российской империи. СПб.: тип. Втор. Отд. Собств. Его Имп. Вел. Канц., 1842. Т. 15. ст. 1644.
5. Лохвицкий А. Курс русского уголовного права. СПб.: тип. Шритера, 1871. С. 87.
6. Колоколов Г.Е. Уголовное право. М.: тип. Везеер, 1900–1901. С. 99.
7. Свод законов Российской империи. СПб.: Сенат тип., 1911. XVI. Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями. ст. 177.
8. Колоколов Г.Е. Уголовное право. М.: тип. Везеер, 1900–1901. С. 100.

УДК 341

КРАЖА КАК РАЗНОВИДНОСТЬ ИМУЩЕСТВЕННЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В РОССИЙСКОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ XVIII–XX вв.

Нелли Григорьевна Макаренко

Сочинский государственный университет
35400, Россия, Краснодарский край, г. Сочи, ул. Советска, 26 а
преподаватель
E-mail: urfakultet@mail.ru

Статья посвящена рассмотрению понятия кражи как имущественного преступления в российском законодательстве имперского периода XVIII–XX вв.

Ключевые слова: кража, предмет кражи, преступная воля.